

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ДОКЛАДАХ ИСТОРИКОВ
НА VII (КИШИНЕВСКОЙ) СЕССИИ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОГО
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Едва ли стоит еще раз говорить о важности исторических исследований для этнографии — одной из отраслей исторической науки. Но есть разделы истории особенно ей близкие, где ученые той и другой специальности разрабатывают одни и те же темы с несколько разных точек зрения, а подчас и в одном и том же аспекте. Такова, в частности, аграрная история.

В 1958 г. по инициативе эстонских историков-аграрников оформился Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Задачи его выходят за рамки истории собственно земледелия и аграрных отношений: изучаются закономерности и специфические условия, в которых протекало разложение феодальной и формирование капиталистической формации в странах, расположенных к востоку от Эльбы (в прошлом преимущественно аграрных). К работе симпозиума привлекаются и некоторые историки «западники», что создает возможность сравнительного изучения общих сторон аграрного развития европейских стран. Исследователи координируют свою работу, ежегодно собираясь на конференции. В октябре 1964 г. состоялась седьмая по счету сессия симпозиума в г. Кишиневе.

На Кишиневской сессии были расширены хронологические рамки исследований. В ее работе приняли участие археологи, с одной стороны, и историки новейшего времени, с другой. На одном из пленарных заседаний было поставлено сообщение Г. П. Строда «Проблемы аграрной истории Восточной Европы на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук».

Участники симпозиума работали на пленарных заседаниях и в пяти секциях, сформированных по хронологическому принципу. Доклады были сгруппированы по проблемам, многие из которых рассматривались в каждой из секций — соответственно своей хронологии. Материалы и выводы, интересные для этнографии, содержались главным образом в докладах, посвященных следующим проблемам: 1) развитие производительных сил в сельском хозяйстве, 2) крестьянская колонизация, 3) источниковедение, 4) методология исторических исследований. При этом в докладах, относящихся к докапиталистическим эпохам, таких материалов значительно больше.

В настоящем сообщении мы остановимся на докладах или отдельных положениях докладчиков, которые могут, как нам кажется, представить интерес для этнографии, опустив вопросы чисто исторического плана.

Одной из главных тем на Кишиневском симпозиуме было изучение производительных сил в сельском хозяйстве. Общее развитие хозяйства, эволюция орудий труда и систем земледелия, распространение сельскохозяйственных культур и проч. являются предметом изучения и историков, и археологов, и этнографов. Для этнографии, пользующейся преимущественно источниками XIX — начала XX в., особенно ценны соответствующие материалы более ранних эпох.

С большим интересом был прослушан коллективный доклад сотрудников Института археологии АН СССР (А. В. Кирьянов, И. Т. Кругликова, В. М. Массон, Б. А. Рыбаков), прочитанный Б. А. Рыбаковым и содержащий обзор основных этапов развития земледелия Восточной Европы с древнейших времен до XIII в. Эпоха древнейшего мотыжного земледелия на юге Восточной Европы относится ко времени неолита и энеолита. Находка в Молдавии изображения парной воловьей упряжки позволяет сделать предположение и о начале пашенного земледелия в энеолитическую эпоху — вопрос, однако, еще спорный.

Существенный сдвиг в развитии сельскохозяйственной техники произошел в эпоху бронзы (первые находки бронзовых серпов и косарей на юге и сохи в Польше), и земледелие широко распространилось на север до лесной зоны. Мотыжное земледелие на юге испытывает кризис, в связи с этим большое значение приобретает скотоводство, которое долго еще (вплоть до XVIII в.) будет здесь оспаривать у земледелия ведущее место в хозяйстве.

В скифо-сарматское время (с VII—VI вв. до н. э.) примитивное земледелие появилось у племен лесной полосы от Волыни до Прикамья, а на юге скифы и другие племена пользовались уже ралом, железными мотыгами и серпами.

Остановившись на земледелии греческих колоний и их влиянии на соседние области, а также на земледелии племен черняховской культуры, Б. А. Рыбаков высказал далее ряд интересных соображений относительно возрождения земледелия после гуннского нашествия в славянской лесостепной зоне. Здесь распространилась культура ржи (конец первого тысячелетия н. э.), в связи с которой сложилась паровая система, ознаменовавшая новый этап в истории земледелия восточных славян. В эпоху Киевской Руси (IX—XI вв.) паровая система (главным образом в форме трехполья) распространилась и в лесные области обитания славян.

В докладе В. К. Яценского «Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI в. до 1917 г.» как бы была продолжена линия эво-

люции, начатая археологами. Земледелие Восточной Европы, сосредоточенное к началу упомянутого периода в лесной полосе, распространяется с течением времени на юг и восток в лесостепь и степь, т. е. примерно в обратном направлении по сравнению с эпохой, освещенной в предыдущем докладе. Это распространение происходит в ходе крестьянской колонизации русских и украинцев до XVIII—XIX вв., а в Сибири продолжается и в начале XX в. Сельскохозяйственное производство быстрее развивалось главным образом в этих колонизируемых районах, причем в основном экстенсивным путем. Даже в позднее время большее, чем в других местах (исключая Прибалтику), применение машин нейтрализовалось здесь нехваткой рабочих рук и использованием экстенсивных систем полеводства. Трехполье, распространенное в лесной полосе, на многоземельных окраинах сменялось залежью, которая только в XIX — начале XX в. стала постепенно отесняться трехпольем и пестропольем. По степени интенсификации земледелия на первом месте стояла Прибалтика.

Докладчик остановился и на распространении новых сельскохозяйственных культур и их роли в хозяйстве.

Сложение типов сельскохозяйственных орудий В. К. Яцунский связал лишь с природными особенностями разных районов, об этнических традициях упомянуто не было.

По развитию производительности труда и товарности сельского хозяйства Россия к началу XX в. ближе всего стояла к странам Юго-Восточной Европы, а также к районам экстенсивного земледелия Америки.

В ряде сообщений, освещающих более частные вопросы развития производительных сил в сельском хозяйстве, имелись материалы и выводы, представляющие большой интерес для специалистов по аграрной этнографии.

А. Д. Горский извлек богатый (в некоторых отношениях уникальный) материал о земледелии в Новгородской земле из берестяных грамот XI—XV вв., которые с этой точки зрения еще не исследовались. В грамотах — сведения о составе посевных культур, системах земледелия, о типах сельскохозяйственных орудий, о производственных процессах и проч. Некоторые сведения являются наиболее ранними из встречающихся в русских письменных источниках и позволяют отнести к более раннему времени первые упоминания ряда сельскохозяйственных терминов.

В докладе Г. Д. Смирнова сообщалось о кладе сельскохозяйственных орудий, найденных в 1963 г. в Молдавии и значительно расширяющих представление о земледельческой технике этой территории в XIV в.

Интересным по содержанию и методике работы был доклад Н. А. Горской и Л. В. Миловой «Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII — второй половины XVIII в.». Материал взят преимущественно из архивных источников XVI—XVIII вв. Авторы рассмотрели весь комплекс земледельческих работ в течение сельскохозяйственного года. Сопоставив приемы обработки земли и ухода за посевами, семенной материал, нормы высева и проч., принятые в начале XVII в. и полтора столетия спустя, они пришли к заключению, что уровень земледельческого производства повышался очень медленно. Тем не менее в середине XVIII в. уровень агротехники в нечерноземной и черноземной областях Центральной России был уже неодинаков. Первая зона, где раньше зародилось товарное хозяйство, в своем развитии обогнала вторую, хотя в крестьянском хозяйстве многие усовершенствования еще проводились под покровом традиционной системы земледелия.

Вопросу взаимосвязи между типами пахотных орудий и системами земледелия был посвящен доклад Ю. М. Юргиниса «Возникновение паровой системы земледелия в Литве». Способы обработки земли автор рассмотрел с точки зрения возникающих в результате этого биохимических процессов. Биохимическое состояние почвы, взрыхляемой различными орудиями, различно и требует разных приемов агротехники. Опыт подсказывал земледельцам изменять ее. Так, рало в Литве было эффективно при подсеčno-огневой системе с минеральными удобрениями (золой), соха и плуг — при переложной и паровой с применением навоза. Отсюда по тому, какие орудия когда-то употреблялись, можно, по мнению автора, определить и систему земледелия. По археологическим находкам сошников он заключает, что в Литве паровая система земледелия сложилась приблизительно в XIII в. Однако, по-видимому, это слишком упрощенное объяснение вопроса; нужно учитывать также состав засеваемых культур и некоторые другие факторы. Очевидно также, что в других почвенно-климатических условиях взаимозависимость между типами орудий и системами земледелия может быть иной.

Цикл докладов был посвящен крестьянской колонизации. В ряде сообщений содержались данные о формировании этнического состава населения отдельных областей. Крестьянская колонизация была результатом многих, подчас сложных причин, и поэтому сложен был состав переселенцев.

Историки главным образом привлекают анализ социального состава беглых крестьян и их экономического положения. Однако в ряде докладов приводились интересные сведения о различных этнических группах переселенцев и их происхождении, о взаимоотношении их со старожилами-инородцами (В. А. Оборин — «К истории колонизации»).

Верхнего Прикамья в XVI — первой половине XVII в.», В. М. Кабузан — «Крестьянская колонизация Северного Причерноморья в XVIII—XIX вв.», Л. Г. Заничева — «Крестьянские побеги во второй половине XVII в. по материалам сыска Г. С. Исупова в Мещерском крае» и др.).

Велика заслуга русских крестьян в распространении земледелия в места, где оно до них не было развито; по этому вопросу были приведены новые интересные материалы (по Северному Уралу, Алтаю и др.). Проблема взаимовлияния культуры новых и старых жителей колонизируемых районов заслуживает более углубленного изучения. Но даже если историки не всегда могли развить тему об этнографических процессах, само указание на источники, где содержатся эти сведения, уже представляет для нас большую ценность, так как большинство докладчиков строили свои сообщения на основе оригинальных, часто впервые вводимых в научный оборот архивных документах, а не которые использовали и данные археологии.

Крестьянская колонизация, как убедительно было показано во многих докладах, была тесно связана с крестьянским движением, со всем комплексом социально-экономических процессов, происходивших в Центральной России. Малоизученная еще проблема «Центр и окраины» будет, по-видимому, одной из наиболее интересных на будущих сессиях симпозиума.

На симпозиуме неоднократно высказывалась мысль о том, что в особенностях земельной собственности и аграрных отношений следует искать причины разнообразия форм перехода к капитализму в сельском хозяйстве. Большое внимание поэтому уделялось раскрытию специфики аграрной истории отдельных районов, областей и целых историко-географических зон. Одним из наиболее примечательных докладов этого рода был доклад молдавских историков Я. С. Гросула, Н. А. Мбхова и П. В. Советова, которые выявили специфические черты в развитии аграрных отношений в Молдавии и Валахии в период перехода от феодализма к капитализму.

Все это, бесспорно, чрезвычайно важно и интересно. Однако данная проблема этим не исчерпывается, хотелось бы обратить внимание на один вопрос, о котором на сессии говорилось немного и вскользь. Это вопрос о соответствии фактического характера собственности ее юридическому оформлению, и в связи с этим — вопрос о сосуществовании различных социально-экономических укладов.

Юридические нормы, как известно, нередко отстают от жизни, с другой стороны, под покровом господствующих социально-экономических отношений продолжают существовать так называемые пережиточные формы. Сложное переплетение этих явлений накладывает своеобразный отпечаток на общественно-экономический строй данной исторической эпохи. Эти известные истины все же нередко ускользают от внимания исследователей — быть может, потому, что источниками для исторических исследований чаще всего служат официальные документы. По этой причине историки не всегда фиксируют присутствие различных укладов в хозяйстве, в формах собственности и т. д.

Глаз этнографа, так сказать, натренирован несколько иначе. Он стремится подметить в первую очередь то, что самобытно, его особенно интересуют явления, в которых проявляется народное творчество или народная традиция, часто существующая вопреки господствующим порядкам. Да и особенность этнографических источников — сведений, почерпнутых из непосредственной действительности, — дает возможность с большим вниманием относиться к фактическому положению вещей (хотя и у этнографов бывают увлечения — обычно в сторону архаизации тех или иных явлений).

Думается, что этнографический материал должен шире привлекаться исследователями аграрной истории.

Одну из тем, в одинаковой мере историческую и этнографическую, в которой комплексный метод работы помог бы глубже взглянуть на некоторые стороны аграрных отношений, представляет, на наш взгляд, сельская община. К сожалению, изучение сельской общины историками, в особенности историками-русистами, отодвинуто сейчас на задний план. Между тем картина эволюции общинной собственности на землю может дать интереснейший материал для аграрной истории.

Просуществовав многие века, сельская община обнаружила огромную гибкость в приспособлении к изменяющемуся социально-экономическому строю, оказывая на него, в свою очередь, активное воздействие, поскольку община играла большую роль в производственной и общественной жизни трудового народа. В последние годы стали все чаще говорить о необходимости различать формы соседской общины. Но хотя уже накоплен значительный материал, показывающий разнообразие общинных форм собственности, теоретически этот вопрос еще почти не разработан. Делаются лишь первые шаги в этом направлении¹.

Неясность этого вопроса — быть может, одна из причин жарких споров о характере византийской общины, о значении верви «Русской Правды» или Полицкого статута и т. п. И опять в связи с этим хочется сказать о недооценке этнографических материалов.

¹ См. например, П. В. Советов. Проблема долевого землевладения в Европе (доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964).

Ведь они дают возможность вскрыть особенности внутренних распорядков общины, которые труднее всего разглядеть по письменным источникам и которые как раз и дают ключ к пониманию ее специфики. Ретроспективный анализ этнографических явлений помогает натолкнуть на верную мысль при толковании неясных мест ранних исторических документов. Подробнее и конкретнее говорить здесь об этом не представляется возможности. Заметим только, что на некоторых докладах симпозиума прямо сказалось недостаточно ясное представление о сельской общине и ее эволюции. Так, В. Г. Тюкавкин выступил с интересным в целом сообщением «Формы землевладения и особенности развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в начале XX в.», в котором он, между прочим, обратил внимание на несоответствие экономической формы фактическому землевладению. И все же он не смог с должной четкостью осветить поставленный им вопрос о процессе преобразования капитализмом форм докапиталистического землевладения.

В. Г. Тюкавкин пришел к выводу, что по своей сущности сибирское землевладение в начале XX в. было захватным, регулируемым полукрепостническим государством и крестьянской общиной. С такой характеристикой сущности землевладения едва ли можно согласиться, так как захват, как таковой, ничего не характеризует и, как известно, он практиковался в самые различные исторические периоды при разных формах собственности. Говоря о влиянии капитализма на изменение форм сибирского землевладения, автор приводил противоречивые примеры: концентрацию земли у кулачества — и усиление роли общины в распоряжении землей, вплоть до уравнилельных переделов; «набой душ», который был действительно отступлением от уравнилельного принципа, — и обычай свободной «опашки», или «закося», известный в гораздо более ранних обществах у многих народов, в том числе у русских, и, кстати, широко распространенный в Сибири в XIX в. как одно из проявлений захватного землепользования. Правильная мысль автора о том, что особенности сибирской общины создавали более благоприятные, чем в Центре, условия для развития кулацких хозяйств, что в старинной форме зарождалось новое содержание, которое в конце концов ее уничтожило, была обоснована, таким образом, не совсем удачно.

Несколько слов о проблеме источниковедения. На симпозиуме было отмечено, что этим вопросом занимаются очень мало. Был прослушан только один доклад такого рода, но доклад очень интересный. С. А. Никитин рассказал о научном значении материалов аграрной переписи Болгарии, произведенной в 1879 г. администрацией Русского гражданского управления. Он дал прекрасный источниковедческий анализ этих документов. В архиве заключен ценный материал, позволяющий подвести итог аграрному развитию Болгарии накануне ее освобождения от турецкого ига. Здесь, много сведений, интересных и для этнографа: о национальном распределении земли, о перемещении населения в период войны, описания сел и районов, некоторых обычаев.

Оживленную дискуссию вызвали доклады, посвященные методике исторических исследований, в частности, применению новых еще для гуманитарных наук методов исчислений с помощью высшей математики И. Д. Ковальченко, применяя регрессионные уравнения, выявил зависимость уровня земледельческого производства от степени распространения дворянского землевладения в середине XIX в., обработав данные по 44 уездам России. Докладчик заметил, что без применения приемов математической статистики эту задачу нельзя было бы решить. Х. Э. Палли поделился опытом эстонских ученых в фиксации материала на перфокартах и методами его дальнейшей обработки. Было продемонстрировано несколько видов перфокарт (в том числе одна с этнографическим материалом — эстонские этнографы уже довольно широко их используют). Карты предназначены для обработки на электронно-вычислительных машинах, а частично и для остроумного и простого способа ручной механической сортировки или выборки. Простейшие виды перфокарт одновременно являются карточками для выписок, но с тем преимуществом, что закодированное на их перфорациях содержание этих выписок дает возможность обрабатывать их и на машинах, если со временем материал по данной теме будет накоплен в большом количестве.

Метод машинной обработки завоевывает себе все большее признание в гуманитарных дисциплинах, в том числе и в этнографии. Его ценность заключается прежде всего в возможности выявить на массовом материале различные корреляции признаков этнографических явлений². Сфера его применения, несомненно, будет расширяться. Обмен опытом в этой области особенно полезен потому, что сейчас стоит задача выработки единого метода шифровки для получения возможности использовать и сопоставлять материалы, собранные в разных научных учреждениях и в разных странах.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть целесообразность совместных исследований сложных проблем, входящих в сферу интересов представителей разных ветвей

² См. С. Б. Рождественская, Принцип и метод этнографических обследований в свете опыта использования счетных машин при обработке анкетных материалов (доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964).

исторической науки. На Кишиневской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы был отмечен положительный опыт участия в нем археологов. Думается, что в неменьшей степени это должно бы в будущем относиться и к этнографам, у которых в этой области имеется с историками не меньше точек соприкосновения. Кроме того, содружество этнографов и историков могло бы расширить у тех и других и круг используемых источников, и представление о методах работы над ними.

Л. В. Маркова

XI КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Начиная с 1955 г. в Югославии ежегодно созываются конгрессы фольклористов, в которых принимают участие и специалисты из других стран. Материалы этих конгрессов (доклады, дискуссии, решения и т. п.) регулярно издаются в особых сборниках. По установившейся традиции конгрессы созываются в разных республиках страны, причем научные заседания сочетаются с ознакомлением участников с этнографией и фольклором местного края.

XI конгресс проходил в небольшом приморском городке Новом Винодольском — одном из древнейших очагов хорватской национальной культуры. Город этот известен и в новое время благодаря тому, что здесь протекала деятельность одного из выдающихся представителей славянского «иллиризма» — знаменитого хорватского поэта Ивана Мажуранича, 150-летие со дня рождения которого торжественно отмечалось осенью 1964 г. Эти два обстоятельства и определили выбор места для очередного конгресса фольклористов Югославии.

Кроме многочисленных представителей различных научных учреждений Югославии (югославских ученых было свыше 100), на конгрессе в качестве гостей присутствовали фольклористы Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, СССР, ФРГ и Чехословакии.

Работа конгресса длилась пять дней (24—28 сентября), а его программа отличалась большой насыщенностью (докладов и сообщений было прослушано свыше 60).

Конгресс открылся речью председателя Союза фольклористов Югославии Й. Вуковича и приветствиями представителей различных научных обществ и учреждений страны — Сербской Академии наук, Югославянской Академии наук и искусств, республиканских отделений Союза фольклористов Югославии, Этнологического общества Югославии и др. Участники конгресса тепло встретили выступления иностранных гостей, передавших югославским фольклористам пожелания успехов в работе от своих научных учреждений.

По установленной традиции первое заседание было посвящено этнографии и фольклору местного края. Общий обзор истории, быта, нравов и обычаев славянского населения Хорватского Приморья и островов Адриатики сделала Р. Матейич. А. Радетич рассказал о народной экономике Ново-Винодольского района. Два доклада были посвящены материальной культуре — поселениям и жилищу (А. Фрейденрейх) и одежде (И. Рибарич-Радаш). Различные виды словесного, музыкального и хореографического фольклора охарактеризовали Д. Ежич, И. Еленович, М. Сертич, В. Файдетич, В. Готтарди-Павловский, Н. Бонифачич-Рожин. На местном фольклорном материале был построен также доклад советского представителя — Б. Н. Путилова («Юнацкая песня „Марко находит сестру“ в версиях Хорватского Приморья и былина о Козарине»). Многие из докладов югославских коллег сопровождались демонстрацией прекрасно исполненных цветных фотографий и рисунков, а также проигрыванием фонографических записей; участникам конгресса было показано несколько этнографических фильмов.

Специальное заседание конгресса было посвящено культурной деятельности братьев Мажураничей, особенно творчеству Ивана Мажуранича, причем большое внимание было уделено фольклорным истокам поэмы «Смерть Смаил-ага Ченгича» (выступали И. Франгеш, Л. Йонке, Й. Вукович, С. Орович, Т. Чубелич, Й. Вукманович, А. Наметак, В. Антич, М. Слиепчевич).

Целый день был отведен для докладов о фольклористической деятельности Вука Стефановича Караджича в связи со 100-летием со дня смерти выдающегося сербского собирателя произведений народной поэзии. «Вуков цикл» открылся докладом акад. Д. Недельковича «Вук-фольклорист в культурной революции нашей эпохи», где убедительно было продемонстрировано постоянное воздействие наследия и заветов Караджича на современную культурную жизнь Югославии. О значении Караджича в истории фольклористики рассказала М. Радованович. На ценность собранных Вуком сказок, остающихся образцом для суждений о всем сербо-хорватском сказочном эпосе, обратила внимание М. Бошковиц-Стулли. Оригинальный опыт типологии сказок на материале Вукова собрания предложил фольклорист К. Горалек